

Андрей Белый

ДОМ-МУЗЕЙ М. А. ВОЛОШИНА

Посетив дом, где много лет жил, трудился, мыслил, творил М. А. Волошин, я был переполнен яркими, прекрасными, грустными и, сквозь грусть, радостными впечатлениями. Грустными, потому что ушла от нас исполненная значения жизнь очень крупного человека. Радостными, что след той жизни внушительно отпечатлелся во всех мелочах созданного им быта. Не дом, а – музей; и музей – единственный.

Есть в обычных музеях что-то противопоставленное жизни. Обычно музеи сохраняют нам след многих жизней, но объединённых каким-нибудь частным, отдельным признаком, не охватывающим полноты живой жизни отдельных людей. Музей живописи, книжный музей, этнографический, музей эпохи, литературный – представляют собой отборы черт, не характеризующих жизнь в её целом. Музей имени М. А. Волошина есть как бы слепок с жизни одного человека. А между тем он являет собой Коктебель, впервые открытый зрению и показанный в творческом преломлении. Коктебель – это Волошин, в том смысле, что покойный поэт увидел как бы самую идею местности и дал её в многообразии модификаций, где краеведение, поэзия, ландшафт, переданный мастерскою кистью художника, являют нам и древнюю Киммерию, и отложения Греции в ней, но претворённые по-новому.

*Отроком строгим бродил я
По терпким долинам
Киммерии печальной,
И дух мой незрячий
Томился
Тоскою древней земли.*

“Поэзия есть зрелая природа”, – сказал Гёте. Она – культура природы, выявляющая в последней новое качество. Это качество в природе, в людях природы, в быте, отложенном ими, пребывает как бы в зародышевом состоянии. Зародыш не выявит нам аполлоновой красоты профиля взрослого человека. В поэзии Волошина, в его изумительной кисти, рождающей идею им открытого Коктебеля, во всем быте жизни, начиная с очерка дома, с расположения комнат, веранд, лестниц до пейзажей художника, его картин, коллекций камушков, окаменелостей и своеобразного

подбора книг его библиотеки встаёт нам творчески пережитый и потому впервые к жизни культуры рождённый Коктебель. Сорок лет творческой жизни и дум в Коктебеле, дум о Коктебеле и есть культура раскрытого Коктебеля, приобщённая к вершинам западноевропейской культуры. Сам Волошин, как поэт, художник кисти, мудрец, вынудивший стиль своей жизни из лёгких очерков коктебельских гор, плеска моря и цветистых узоров коктебельских камешков, стоит в моём воспоминании как воплощение идеи Коктебеля. И сама могила его, влетевшая на вершину горы, есть как бы расширение в космос себя преобразующей личности.

Есть невыразимо прекрасные ракушки, которые воспел знаменитый Геккель (*Геккель Эрнст (1834-1919) – немецкий биолог*) как неповторимые перлы искусства. А между тем линии их – суть отложения органической природной жизни. Дом Волошина, начиная с внешних форм до музейных остатков быта этой творческой жизни, восхищает меня как одна из ракушек, которыми мы любуемся, как произведением Праксителя. Неповторимое в нём – в сочетании обычно несочетаемых элементов. Хороша библиотека, прекрасны картины Волошина, его альбомы, записные книжки, интересны следы жизни, оставленные посещением Волошина десятками крупнейших художников, поэтов, писателей, учёных, иные из которых вынашивали здесь открытия мирового значения (как, например, С. В. Лебедев (*Лебедев Сергей Васильевич (1874-1934) – учёный-химик*), живший подолгу здесь и здесь вынашивавший идею искусственного каучука, может быть, во время собирания камушков на коктебельском пляже); следы жизней, пересекавшихся здесь, горячие дебаты на тему о культуре и о культуре Коктебеля, должны бы превратиться в музей воспоминаний.

Но, как бы ни интересны были отдельные следы жизни, возглавляемой здесь Волошиным, они ничто в сравнении с целым их. Жизнь Волошина отпечатлеваема не в своеобразии сочетания книг библиотеки, не в единственности, например, собрания сочинений французских символистов и не в замечательной коллекции акварелей поэта, а в том, что эти акварели и эти книги даны в комплекте следов яркого быта, здесь сложенного. Библиотека эта, вывезенная отсюда, или собрание акварелей в другом месте разрушили бы целое; так нельзя выломать отдельные завитки из ракушки, которой так восхищался гениальный художник Геккель: её очарование – целое.

Дом Волошина и есть это целое: целое единственной жизни; поэт Волошин, Волошин-художник, Волошин-парижанин, Волошин – коктебельский мудрец, отшельник и краевед – даны в Волошине, творце быта. Волошин – краевед – дан в Волошине-человеке.

И дом Волошина – гипсовый слепок с его живого, прекрасного человеческого лица, вечная живая память о нём; её не заменят монументы.

С М. А. Волошиным встретился я весной 1903 в интимном кружке, сгруппированном около Брюсова; и с тех пор на протяжении почти тридцати лет мы с ним многократно встречались в самом разнообразном сочетании людей, то как едино-

мышленники, то оказываясь в разных группах; как-то: я – в “Весех”, враждовавших с “Орами”¹; он – в “Орах” и т. д.

Он казался мне в эти годы весьма европейцем, весьма французом. Моя же культурная ориентация меня более связывала с философской, музыкальной и поэтической культурой Германии начала прошлого века. Но во всех согласиях и несогласиях меня пленяла в покойном широта интересов, пытливость ума, многосторонняя начитанность, умение выслушать собеседника и удивительно мягкий подход к человеку. М. А. появлялся в Москве, быстро входя в её злобы дня и выступая главным образом в роли миротворца, сглаживая противоречия между противниками, часто не видящими из-за деревьев леса; и потом бесследно исчезал или в Европу, где он собирал, так сказать, мед с художественной культуры Запада, или в свой родной Коктебель, где он в уединении претворял все виденное и слышанное им в то новое качество, которое впоследствии и создало дом Волошина как один из культурнейших центров не только России, но и Европы.

Впервые открылся он мне в Швейцарии, где мы провели с ним несколько месяцев в эпоху начала войны. Здесь, объединённые одинаковыми интересами к слагаемым новым формам искусства, мы много беседовали о живописи. Он стал передо мной и как оригинальный художник, давший мне несколько уроков по растиранию красок, и как человек, глубоко чуждый милитаристическому безумию, охватившему старый мир.

Но я увидел его в диапазоне всех даров лишь в Коктебеле, в 24-м году, где я прожил у него три с половиной месяца.² Здесь поэт, блестящий публицист и оригинальный художник, увидевший древнюю Киммерию глазами им глубоко изученных художников-японцев, встал передо мной и как умудренный опытом краевед, знающий, как никто, историю, метеорологию и природные особенности края, и как хозяин единственного в своем роде сочетания людей, умевший соединять самые противоречивые устремления, соединяя людские души так, как художник-мозаичист складывает из камушков неповторимую картину целого.

Вся обстановка коктебельской жизни в доме, художественно созданном Волошиным, и в быте, им проведённом в жизнь, вторично выявила мне М. А. Волошина в новом свете, и я обязан ему хотя бы тем, что, его глазами увидевши Коктебель, его Коктебель, я душой прилепился к этому месту. Он учил меня камушкам, он посвящал меня в метеорологические особенности этого уголка Крыма, я видел его дающим советы учёным-биологам, его посещавшим; мне рассказывали, как он впервые

¹ Речь идёт о борьбе внутри лагеря русских символистов. А. Белый принадлежал к московской группе символистов, объединившихся вокруг журнала “Весы”; а глава петербургской группы – Вяч. Иванов – основал в 1906 г. собственное, “домашнее” издательство “Оры” (см. упоминание о нем в 37-м примечании к воспоминаниям М. Сабашниковой). В “Орах” было объявлено об издании первой книги стихов Волошина, которая вышла, однако, в Москве (в изд. “Гриф”) в 1910 г.

² В 1924 году А. Белый приехал в Коктебель 29 или 30 мая, уехал 12 сентября.

предугадал особенности, вытекающие из столкновения и направления дующих здесь ветров; он художественно вылепляет в сознании многих суть лавовых процессов, здесь протекавших, он имел интересные прогнозы о том, как должны вестись здесь раскопки, и определял места исчезнувших древних памятников культуры; он нас лично водил по окрестностям; и эти прогулки бывали интересными лекциями не только для художников и поэтов, но и для учёных. Задолго до революции он ввёл в своем уголке любовь к физкультуре. Сколькие деятели культуры, пройдя сквозь дом Волошина, впервые увидели и полюбили Коктебель, потому что дом Волошина по существу был домом отдыха московским и ленинградским писателям задолго до домов отдыха.³

Кто у него подолгу не жил! А. Толстой, Эренбург, Мандельштам, Корней Чуковский, Замятин, Федорченко⁴, поэтесса Цветаева и т. д., всех не стоит перечислять. Из любой пятёрки московских и ленинградских художников слова – один непременно связан с Коктебелем через дом Волошина. Они-то и создали особую славу Коктебелю. И не случайно, что и московские писатели, и ленинградские имеют здесь свои дома отдыха в Коктебеле.

Так, летом в 24-м году я встретил в доме Волошина единственное в своем роде сочетание людей: Богаевский, Сибор, художница Остроумова, поэтессы Е. Полонская, М. Шкапская, Адалис, Николаева (*Николаева Евгения Константиновна (1898-?)*), стиховед Шенгели, критики Н. С. Ангарский⁵, Л. П. Гроссман, писатель А. Соболев, поэты Ланн⁶, Шервинский, В. Я. Брюсов, профессора Габричевский, С. В. Лебедев, Саркизов-Серазини, молодые ученые биологической станции, декламатор А. Шварц, артисты МХАТа 2-го, театра Таирова, балерины или жили здесь, или являлись сюда, притягиваемые атмосферой быта, созданного Волошиным.

³ В ноябре 1924 года Волошин писал Л. Б. Каменеву: “Двери моего дома раскрыты всем и без всякой рекомендации – в первую голову писателям, художникам, ученым и их семьям, а если остается место, – всякому, нуждающемуся в солнце и отдыхе, кому курортные цены не по средствам. Ставится одно условие: каждого вновь прибывающего принимать как своего личного гостя. Поэтому ёмкость моих 25-ти комнат среди лета достигает иногда ста человек. Срок пребывания не ограничен. Налажено коллективное питание для экономии. Летом сюда приезжают отдыхать, весной и осенью – работать.

<...> Я думаю, что Коктебельская Художественная Колония является для Республики организацией полезной и желательной, а для искусства органически необходимой. Вы сами знаете, как тяжело сейчас экономическое положение писателей, поэтов, художников, как переутомлён каждый и службой, и напряжённостью городской жизни, и как важен при этом для одних возрождающий летний отдых, для других возможность уединиться для личной творческой работы...” (ИРЛИ).

⁴ Федорченко София Захаровна (1888-1959) – писательница. В Коктебеле была в 1925 году.

⁵ Ангарский Николай Семёнович (наст. фамилия Клестов 1873-1941) – общественный деятель, критик. В 1924-1932 гг. – руководитель издательства “Недра”, выпускавшего литературно-художественные сборники, где печатались и произведения Волошина.

⁶ Ланн Евгений Львович (наст. фамилия Лозман, 1896-1958) – писатель и переводчик, автор первой книги о Волошине “Писательская судьба Максимилиана Волошина” (М., 1927).

Игры, искристые импровизации Шервинского, литературные вечера, литературные беседы то в мастерской Волошина, то на высокой башне под звёздами, поездки в окрестности, поездки на море и т. д. – всё это, инспирируемое хозяином, оставляло яркий, незабываемый след. Деятели культуры являлись сюда москвичами, ленинградцами, харьковцами, а уезжали патриотами Коктебеля. Сколько новых связей завязывалось здесь. В центре этого орнамента из людей и их интересов видится мне приветливая фигура Орфея – М. А. Волошина, способного одушевить и камни, его уже сидящая пышная шевелюра, стянутая цветной повязкой, с посохом в руке, в своеобразном одеянии, являющем смесь Греции со славянством. Он был вдохновителем мудрого отдыха, обогащающего и творчество и познание. Здесь поэт Волошин, художник Волошин являлся людям и как краевед, и как жизненный мудрец.

Прекрасно здесь догорала жизнь, увенчанная многообразным опытом. Недаром останки его приподняты над Коктебелем, так именно, как Коктебель из мало кому ведомой деревушки превратился в полное будущего место отдыха для сотен и сотен людей.

И, как знак благодарности Волошину, дом его, ставший домом поэта, должен неприкосновенно сохранять память о нём. Музей Волошина есть лучший памятник, поставленный делу его жизни.

**Статья А. Белого о Доме-музее Волошина написана 12-14 июля 1933 года.
Текст – по публикации С. Гречишкина и А. Лаврова в журнале “Звезда”, № 5, 1977.**